

УДК 903:312.2 (470.21)

ГЕРОИ – ВИНОВНИКИ – ЖЕРТВЫ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СМЕРТИ И ЗАХОРОНЕНИЯ В СЛУЧАЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ*

О. В. Змеева, И. А. Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Статья выполнена на материале исследования случая коллективной гибели рабочих на руднике в г. Кировске Мурманской области в 2008 г. Рассматриваются вопросы статуса смерти и определения роли погибших как героев, виновников или жертв. Случай выявляет актуальные проблемы жизнедеятельности и социального самочувствия населения северных монопрофильных городов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : статус смерти, коллективная гибель, захоронение, профессия группы риска, моногород, исследование случая.

O. V. Zmeyeva, I. A. Razumova. HEROES – PERPETRATORS – VICTIMS: THE PROBLEMATIZATION OF THE DEATH AND BURIAL IN THE CASE OF COLLECTIVE DEATH

The article is based on a case study. It concerns the collective death of workers at a mine in the Town of Kirovsk, Murmansk Region, in 2008. Some questions related to the status of death are considered, and the division of the dead into heroes, perpetrators or victims is discussed. The case reveals some pressing problems of life and social well-being of people in Northern mono-industrial communities.

Key words : status of death, collective death, burial, mono-industrial community, group of risk, case study.

Речь пойдет о трагическом событии, которое произошло в городе Кировске Мурманской области в декабре 2008 года. Анализ этого события позволяет, с одной стороны, обратиться к «вечным» вопросам осмысления смерти человека в контексте той или иной культуры и общественного устройства, с другой стороны – выявить актуальные проблемы жизни людей, принадлежащих к конкретной общности, в определенное время и определенном месте.

Кировск (до 1934 г. Хибиногорск) – город, с которого началась промышленная урбанизация центральной части Кольского полуострова. В образе города аккумулировались основные смыслы «мифа о покорении Севера» и героизме его покорителей. «Поскольку инициатива всех нововведений приписывается культурному герою, миф о нем – это в то же время своеобразная летопись побед человека над природой, летопись достижений в области технического прогресса, – писал Е. М. Мелетинский. – Иначе говоря, мифы о культурном герое по-своему «историчны», в них отразились воспоминания о реально имевшихся открытиях и изобретениях, огромный производ-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Погребально-мемориальная культура «советских» городов в XX – начале XXI в.»

Рис 1. Вид на рудник на г. Расвумчорр (Хибины, Кольский п-ов, Россия). Фото В. Левицкого. URL: <http://geo.web.ru/druza/L-Rasvumchorr.htm> (дата обращения: 23.01.2013)

ственный и исторический опыт человечества» [Мелетинский, 1998. С. 339]. В истории Кольского Заполярья, художественных и публицистических текстах, в сознании северян Кировск стал символом «освоения земных недр», а люди, участвовавшие в этом процессе, воплощением собирательного образа культурного героя, который «вырвал богатства у гор». Город расположен в специфическом горном ландшафте, суровом климате, имеет драматическую историю, связан с опасными профессиями и видами спорта. Коллективный портрет кировчанина представляет человека, для которого жизнь в «экстремальных» условиях – обыденность [Разумова, 2009. С. 36–38].

Одним из самых ярких топонимов-символов Кировска является Расвумчорр. Наименование горы и плато было перенесено на обнаруженное там месторождение и рудник, на котором добывают апатит (рис. 1). Экзотическое саамское название стало культурным знаком благодаря популярной песне Ю. Визбора:

На плато Расвумчорр не приходит весна,
На плато Расвумчорр все снега да снега,
Все зима да зима, все ветров кутерьма,
Восемнадцать ребят, три недели пурга...
и т. д. [Визбор, 1989. С. 20–21].

В поэтическом тексте, написанном в 1961 году, романтизация мужского труда происходит, в первую очередь, за счет метеорологических образов: «проклятье пурги», «жестокий циклон», «идем через выюгу» и т. п. Коллективный лирический герой предстает в собственном смысле героем, так как ему приходится «биться с плато Расвумчорр», то есть с суровой природой Севера. Спустя почти полвека это стихотворение окажется пугающе провидческим: именно восемнадцать молодых мужчин зимним декабрьским вечером попадут в беду на Расвумчорре. Но это будет совсем другое испытание.

Кировск называют городом горняков. Он обязан своим происхождением открытию апатито-нефелиновых руд, масштабным горным разработкам и строительству горно-обогательного комбината. Сейчас это широко известное объединение ОАО «Апатит», крупнейшее в мире предприятие по производству высококачественного апатитового концентрата и единственный в России производитель нефелинового концентрата. В эксплуатации находятся шесть месторождений: Кукисвумчоррское, Юкспорское, Апатитовый Цирк, Плато Расвумчорр, Коашвинское и Ньюрпахское. Оработка месторождений ведется четырьмя рудниками (Кировский, Расвумчоррский, Цен-

тральный и Восточный). Руда перерабатывается на двух апатит-нефелиновых обогатительных фабриках АНОФ-2 и АНОФ-3 [ОАО «Апатит»]. Специфика технологии горных разработок на рудниках г. Кировска отличает его от других шахтерских регионов, например, Донбасса или Кузбасса. Основное различие касается степени опасности работы «в горе»: применяемые при добыче апатита вещества сами по себе не являются взрывоопасными. Это обстоятельство (если судить по утверждениям жителей) всегда положительно сказывалось на психологическом состоянии рабочих и их близких. Вместе с тем профессия горняка относится к категории опасных. Исследований о профессиях группы риска пока недостаточно, но в соответствующих рейтингах обозначения «шахтер», «горняк» занимают первые строки [Александрова, 2000; Малевич].

На Кольском Севере немало профессиональных общностей, которые могут быть отнесены к «группе риска»: различные категории военнослужащих, специалистов, работающих в море (гражданские моряки, рыбаки, нефтяники и др.), под землей (горняки). По роду занятий они связаны, прежде всего, с потенциально опасными пространствами. Трудовую деятельность в рамках этих профессий принято характеризовать как «повседневный героизм», а среди личностных качеств работников обычно отмечается постоянная готовность к риску, или в усиленном варианте – «готовность умереть». Такое отношение предоставляет большие возможности для социально-философских и религиозных размышлений. Например, о военных моряках православный историк игумен Митрофан (Баданин) пишет: «Всякий, кто выбрал себе путь профессионального военного служения, без колебаний должен принять в свое сердце и обязательное условие этого выбора – постоянную готовность умереть; <...> если нет этого «согласия на смерть», то человек не состоялся как воин, как защитник и, более того, он не родился для вечной жизни» [Игумен Митрофан, 2010. С. 19]. Вместе с тем, с точки зрения традиционных воззрений, любая смерть на производстве, как и на войне, даже при постоянной к ней готовности, является «неестественной». Это означает, что у нее есть определенные причины и виновники. «Смерть от несчастного случая завораживает своей искусственностью – как смерть техническая, не-естественная, то есть преднамеренная (быть может, даже со стороны самого погибшего) и потому вновь ставшая интересной: ведь преднамеренная смерть имеет смысл» [Бодрийяр, 2011. С. 293]. Изучая социальные аспекты смерти и погребения, исследо-

ватели характеризуют современное общество как «общество риска» [Бек, 1992] и обращают внимание на связь между стратегией минимизации рисков, концептуализацией смерти и динамикой практик захоронения [Walter, 2012]. Условием понимания этого глобального процесса являются исследования на микроуровнях.

Каждый конкретный случай гибели человека и тем более группы обращает к вопросу о статусе смерти, а его определение, в свою очередь, создает комплекс проблем. Они касаются правовой и нравственной оценки факта, его социальной значимости, а также действий по погребению, идеологической презентации, сохранению памяти о погибших и т. д. Вопрос о статусе и типах смерти рассматривался и в «классической» русской этнографии (прежде всего в известных трудах Д. К. Зеленина об умерших неестественной смертью и «заложных») [Зеленин, 1995], и в европейской антропологии – в рамках исторической типологии отношения к смерти [Арьес, 1992. С. 341–493]. Что касается пропавших без вести и умерших, погребение которых оказалось невозможным («неокончательная смерть»), Ю. Пентикяйнен предложил обозначение «смерть без статуса» [Пентикяйнен, 1994]. Народные бинарные определения смерти (правильная – неправильная, хорошая – плохая, легкая – тяжелая и т. д.) обосновываются местом и временем смерти, возрастом умершего, степенью страданий и прочими признаками [Смирнов, 1920. С. 26–33; Виноградова, 1998; Носова, 1993. С. 71–72; и др.]. Вопрос о причинах соотносится со «смыслом» смерти и уместен лишь в случае ее «неестественности». Тип смерти определяет процедуру, способ захоронения и погребения умершего.

Коллективная смерть касается ситуаций, когда группа людей умирает (погибает) не столько при одних и тех же обстоятельствах, как, например, во время массовых эпидемий, сколько совместно. В мирное время она чаще всего является результатом «несчастливого случая» (техногенной аварии, природного катаклизма, непредумышленного злодеяния), насильственных действий или группового самоубийства. Нас интересуют, в первую очередь, не юридические, а социокультурные нормы, в соответствии с которыми квалифицируется та или иная ситуация. При определении статуса смерти и способа захоронения часто конфликтуют интересы, представления, ценности различных социальных субъектов: институтов, организаций, конфессий, родственных и профессиональных общностей, индивидов и пр. [Разумова, Барабанова, 2012], тем более это относится к случаям не самым ординарным.

Исследования некрополя военного города – ЗАТО Полярный Мурманской области – в 2009 г. подтвердили, что население неоднозначно относится к коллективным захоронениям. Многие родственники моряков, погибших вместе с товарищами (в военное или мирное время), несмотря на общественную значимость и коллективность их гибели, возражают против братских могил. Чаще это женщины, поскольку они придают большее значение родственным связям и, соответственно, семейным захоронениям. Положительное отношение части военнослужащих к братским могилам мотивируется тем, что при таком способе погребения мемориально сохраняется и утверждается воинский коллективизм. По другому мнению, братские могилы имеют право на существование только в том случае, если тело погибшего не было опознано и его невозможно переправить родственникам. Отрицательное отношение к коллективному погребению мотивируется «потерей индивидуальности» умершего, затрудненным доступом родственников к могиле и плохим уходом за общественными захоронениями [Агамирзоева, Разумова, 2009. С. 41]. Примиряют эти позиции идея и практика пространственного разъединения могилы и общественного памятника – кенотафа. Кенотаф имитирует могилу, как это делается в случаях воинских мемориалов и на местах гибели людей, например, в автомобильных авариях [Соколова, Юдкина, 2012]. Реальная могила при этом располагается там, где удобнее родственникам. В данном случае четко разграничиваются утилитарная и культовая функции погребения, а также общественная и приватная (семейная) сферы коллективной памяти. Статусные и мемориальные аспекты окончания жизни человека особенно явственны, когда предметом осмысления выступает «неестественная» (по Д. К. Зеленину), «не своя» (по традиционному русскому обозначению) или «чужая» (по Ф. Арьесу) смерть.

*

Вечером 11 декабря 2008 года на одном из участков Расвумчоррского рудника в г. Кировске произошел незапланированный взрыв. Это случилось в процессе подготовки к плановому производственному взрыву в тот момент, когда осуществлялась закладка взрывчатого вещества на одном из участков рудника: *«взрывчатка – около 58 тонн (ею подрывают пустую породу, чтобы добраться до руды) – рванула в погрузочно-доставочной машине МЗКС-160 на глубине 614 метров. Вообще подрыв породы планировали на 15 декабря (в это время людей рядом не должно было быть). Рвануло почему-то 11-го...»* [Грушко, Андреев, 2008]. В резуль-

тате взрыва и его последствий (возникшего пожара и задымленности) погибли 12 человек. В месте закладки взрывчатых веществ находилось большее число работников, всего их было 18 человек, шестерым удалось спастись.

Обстоятельства смерти сказались на процедуре погребения: ритуал разделился на два этапа. Погибшие горняки были похоронены на одном кладбище, но с интервалом более чем в полгода. Семь человек – Антон Мандров, Николай Исаков, Максим Лебедев, Вячеслав Соловьев, Дмитрий Черняев, Даниил Соломатин и Виталий Лукашенец – были преданы земле 16 декабря 2008 г. (рис. 2), а остальные пятеро – Александр Крестовский, Роман Иванов, Роман Иванов (тезки и однофамильцы. – Авт.), Александр Власов и Павел Семенов – 21 мая 2009 г. Такой длительный промежуток времени между двумя захоронениями объяснялся невозможностью опознания тел погибших.

Воссоздать картину события и оценить общественный отклик на него позволяют печатные и интернет-публикации регионального уровня (областные и городские), комментарии к статьям, форумы, странички сетевых социальных групп и обсуждения в социальных сетях. Дополнительными источниками информации являются спонтанные устные высказывания жителей городов Кировск и Апатиты, беседы с ними, наблюдения во время поминальных мероприятий. Местные СМИ отреагировали очень быстро. Пресса определила статус события как *«беда»*, *«трагедия»*, *«катастрофа»*, которой *«не было за всю послевоенную историю освоения апатитовых месторождений в Хибинах»* [Кабыш, 2008; Андреев, Пермина, 2008 и др.]. Характер освещения в СМИ и документальные источники дают основание отнести происшедшее к событиям скорее областного масштаба, несмотря на то что в расследовании участвовали представители центра. День первых похорон, 16 декабря, был объявлен днем траура в области, а дни с 12 по 21 декабря 2008 г. – днями Памяти и Скорби в городах Кировск и Апатиты [Постановление, 2008]. В погребении участвовали официальные лица области, а также моряки из Видяева – поселка-ЗАТО подводников Северного флота. Отпевание всех двенадцати погибших возглавил архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон.

Событие широко обсуждалось в обоих городах людьми и связанными, и не связанными с производством. Одной из основных стала тема о возможных причинах взрыва. К объективным причинам относится все, что связано с производственным процессом, то есть с техникой, которая перестала слушаться человека: *«что-*

Рис 2. Начало панихиды перед захоронением семи горняков. Дворец культуры, г. Кировск. Фото Т. Мининой. 2008 г. URL: <http://photopolygon.com/posts/6428> (дата обращения: 23.01.2013)

то произошло нестандартное, нештатное» (высказывание губернатора области), «что-то вышло из-под контроля», «произошел несанкционированный (незапланированный) взрыв», «то, чего быть не должно». Выделялись две основные технологические причины: неисправность горной техники и качество взрывчатки. Обе они категорически отвергались специалистами-технологами и вызвали недоумение участников стихийных обсуждений, которые в большей или меньшей степени знакомы с производством. Типовое утверждение, касающееся и взрывчатки, и машины, в которую она закладывалась: «Взрываться там нечему».

К другой категории относятся причины, связанные с людьми, организациями и прочими социальными субъектами: их интересами, преднамеренными и непреднамеренными действиями, специфическими свойствами и т. д. В СМИ излагались, в частности, весьма яркие версии события: самоубийство, любовный треугольник, происки конкурентов изготовителей взрывчатки: «мол, чтобы подумали, что АС-8 – некачественная взрывчатка, и стали приобретать вещество у другой компании» [Барсова, 2009б]. Вначале официально не исключалась и версия теракта. Объяснения полностью соответствовали «логике повседневности» [А. Шюц], когда проблемная ситуация сводится к привычному и понятному:

чьим-то корыстным намерениям, психической неадекватности, «проискам врагов» или «личной драме». Все предположения такого рода вызвали крайнее неодобрение жителей. Они были восприняты как неподобающее освещение трагедии представителями прессы. Журналистам приписывались недостойные мотивы: они манипулируют общественным мнением с целью сокрытия «истинных причин», выполняют социально-экономический или политический заказ либо стараются повысить свой профессиональный рейтинг за счет «сенсации», которая тем значительнее, чем интереснее сюжет.

Основная причина субъективного свойства, которая присутствовала и в формулировке следственного дела, – нарушение правил безопасности при проведении горных работ. Точка зрения чиновников ясна и выражена достаточно жестко (если не цинично): «Кто же добровольно скажет, что он нарушает технологию, тем более при производстве работ со взрывчаткой? – говорит заместитель руководителя СУ СКП (Следственное Управление Следственного Комитета при Прокуратуре. – Авт.) России по Мурманской области Вячеслав Монастырский. – Я не имею в виду руководителей. Говорю о тех, кто работает в штреке. В основном нарушения идут от них, ведь из руководства добро на нарушения никто не даст. Те, кто мог бы пролить свет на это дело, погиб-

ли» [Барсова, 2009б]. Такую позицию предвидели. Сразу после случившегося родственница одного из погибших написала в сети: «Остается один вопрос: а кто виноват?? Неудивительно, если всю вину положат на плечи горняков!!! Но стоит задуматься??? Легче всего обвинить уже умерших людей... будьте бдительней!» [Жизнь как по нотам, 2010]. Разумеется, даже намек на то, что в нарушении техники безопасности могли быть виноваты сами рабочие, вызвал негативную реакцию, прежде всего членов семей горняков. Не заботиться о самосохранении, работая под землей, означает неоправданно рисковать своей и другими жизнями. Жена одного из рабочих высказалась так: «Страшно каждый день, когда муж на работу уходит. А как теперь они трудятся, ведь мысль о погибших друзьях и что это может произойти с каждым из них не покидает их ни на минуту! По технике безопасности и по всем санитарным нормам – вообще в гору заходить нельзя!» [Андреев, 2009]. Таким образом, горняки оказываются потенциальными жертвами, заложниками предлагаемых условий труда, что очень характерно для моногородов, особенно в периоды нестабильной экономики.

Справедливости ради отметим, что собственноручно обвинительных утверждений в адрес самих рабочих тексты СМИ содержат мало, в основном в виде отдельных цитат и риторических вопросов в заголовках. Обвинительные мотивы чаще присутствовали в устных высказываниях горожан: «Они сами виноваты», «Там (в зарядной машине. – Авт.) нечему взрываться, конечно, несоблюдение правил техники безопасности. Сами они...» и т. п. В ходе обсуждения причин трагедии определялась роль погибших и пострадавших. Кем они являются: виновными – в случае несоблюдения техники безопасности, жертвами – в случае халатности руководства или героями – в случае, если они предотвратили более серьезные последствия или более мощный взрыв? Последняя позиция если и наличествовала, то весьма скрыто. Понятия «герои», «героизм» практически не использовались в опубликованных материалах. В устных высказываниях они звучали в адрес только одного горняка, Антона Мандрова, который вернулся в район задымления, чтобы спасти оставшихся там товарищей, но в результате погиб сам. О нем говорили: «настоящий герой», «молодец», «не пожалел своей жизни» и т. д. Героическое поведение отличается «храбростью, доблестью, самоотверженностью» [Ожегов, 1984. С. 112], особенно если цена за него – жизнь.

С одной стороны, А. Мандров может быть оценен как единственный герой коллектива. Во-первых, он мог спастись, но пожертвовал жиз-

нью (коннотации со святыми – героями мучеников очевидны). Во-вторых, среди попавших в беду горняков он был самым старшим по должности как горный мастер и одним из самых младших по возрасту (23 года), что является дополнительным основанием для героизации личности. С другой стороны, его индивидуальность растворяется под «давлением коллективной смерти». Поведение молодого горного мастера, которое, например, в прессе вполне могло быть представлено и описано как подвиг, не выделяется из общей судьбы. По интервью с теми, кто выжил после взрыва, можно заключить, что так, как А. Мандров, вели себя и другие горняки, которые оказывали друг другу помощь, рискуя жизнью. Некоторые возвращались за товарищами, вновь спускаясь в «преисподнюю». «Меня спас шланг с оборванный кислородом (в цитатах сохранена грамматика оригинала. – Авт.), – рассказывал корреспонденту горняк Михаил Котлячков. – Я услышал его шипение и вышел на его звук, где встретился с Антоном Кругловым. Он меня взял за руку и вывел из задымленного пространства. Затем он спустился и сообщил об аварии диспетчеру. Когда он вернулся, мы включились в самоспасатели (самоспасатель – респиратор с баллоном, который перерабатывает выдыхаемый углекислый газ в кислород. – Авт.) и пошли обратно к месту взрыва искать других горняков <...>. В это время <...> на 614-й горизонт к месту взрыва, пытаюсь найти живых, на машине пробивался Василий Бобков, еще один выживший. <...>. Затем я дважды возвращался обратно на 614-й горизонт, где произошел взрыв, поискать, есть ли еще живые товарищи. Второй раз поднялся с Анатолием Копченковым. Мы нашли еще одного пострадавшего» [Андреев, 2008]. Мать одного из выживших рассказала: «Андрей говорит, спасибо мальчику, который сначала побежал к выходу, а потом вернулся и подобрал их с товарищем и вывел без фонариков, с одним самоспасателем <...>. По очереди дышали вот и выбрались. А то, может быть, и их бы не было» [Выживший при взрыве, 2008].

Корреспондент передает слова руководителя следственного отдела: «Особенность расследования таких уголовных дел заключается в том, что у нас нет ни одного очевидца, который бы мог достоверно сказать, что именно произошло» [Барсова, 2009б]. Состояние тех, кто спасся, очевидно, не позволяет рассматривать их как объективных свидетелей. Интервью, которые дали выжившие, восстанавливают общую реальную картину и детали события глазами «выходцев с того света». Они теряли сознание, задыхались от гари, слепли от задымленности, утрачивали счет времени (интервью с А. Ковалевым, М. Котлячко-

вым, А. Кругловым [Андреев, 2008]). В их словах звучат мотивы вины перед мертвыми, их родителями («Почему меня оставили жить?» и т. п.). Спасение воспринимается как чудо, столь же непостижимое, как и вся «несанкционированная» ситуация. Еще одно драматическое обстоятельство заключается в том, что многие из тех, кто был в роковой час в шахте, являются потомственными горняками. Они пришли на комбинат по стопам отцов, которые не испытали подобного: «Когда только начал трудиться, умер отец, который 28 лет отдал тому же руднику. Словно дело свое передал. Только вот таких ЧП с отцом никогда не случалось...» – это слова матери погибшего 23-летнего апатитчанина Дмитрия Черняева [Выживший при взрыве, 2008]. Несколько матерей не могут смириться с тем, что сами настояли, чтобы сыновья работали на горном производстве: «Ездил в отдел кадров сама, уговорила сына взять, напоминала о том, что отец Андрея работал много лет на «Апатите». А в этом году на День шахтера даже благодарность сыну вынесли. <...> А теперь говорит: «Я к этой взрывчатке близко не подойду! Если еще раз пошлют, не пойду, вплоть до увольнения» [там же]. Не один Андрей не захотел возвращаться работать в шахту, и это понятно. Но дело в том, что в городе горняков на другую работу рассчитывать сложно. Трудоустройство на ОАО «Апатит» рассматривается значительной частью населения Кировска и Апатитов как большая удача, несмотря на то что высоких доходов оно не приносит. Сделав скидку на журналистскую риторику, можно сказать, что экономическую и социально-психологическую ситуацию в заполярном моногороде в 2008–2009 гг. корреспондент передал верно: «Жители Кировска и Апатитов подавлены. И так на производстве работалось несладко. Помимо тяжелых условий работы на руднике копеечные зарплаты. Например, горнорабочий получает около 12 тысяч рублей. Плюс в последние месяцы тревожили слухи о мировом кризисе, из-за которого могло остановиться производство и не осталось бы даже этой тяжелой горняцкой работы. А тут еще и взрыв. Таких крупных ЧП в Хибинах не было десятилетиями. Люди боятся выходить в горные выработки. Многие с тревогой смотрят в сторону Расвумчоррского рудника. Уже который день прямо над ним восходит из-за горных гребней зловещая, с багровым отливом полная луна...» [Выживший при взрыве, 2008].

Отметим, что жители Кировска и Апатитов представляются единой общностью, неотделимой от производства. Кризисная ситуация высветила базовые социальные отношения и их культурные смыслы. Прежде всего это касается семьи и родственников, которые вместе с по-

гибшими и пострадавшими рассматриваются как «коллективная жертва». Об этом свидетельствует внимание, которое уделяли СМИ родным и близким, заверения в помощи семьям, обязательство опекать детей погибших, которое взяла на себя комбинат, и т. д. Обостренно воспринимаются и другие близкие отношения, в том числе дружеские. Друзья погибших создали несколько сообществ памяти в Интернете. «Многие друзья, любимые могли оказаться на месте тех 12 погибших, – сказано на заглавной странице. – Неужели только подобные случаи заставляют задуматься, что каждый день, проведенный с близким человеком, – это счастье и нужно беречь его?» [Расвумчорр]. Настойчиво повторяется в текстах разного рода, что такое «могло произойти с каждым». «Каждый» – это прежде всего член профессиональной горняцкой общности, но также и общности местной, двух малых городов-спутников, все жители которых непосредственно или опосредованно связаны друг с другом. Тем самым все и каждый оказываются и потенциальными героями, готовыми в критическую минуту рисковать для ближнего, и вероятными виновниками, не соблюдающими правила самосохранения, а более всего – жертвами, заложниками места, времени и непредсказуемых обстоятельств.

*

Через несколько месяцев после события СМИ представили официально утвержденную технологическую причину взрыва: «Причина взрыва на руднике установлена. Это наличие статички в бункере зарядной машины. Проскочившая искра привела к возгоранию пылевоздушной смеси алюминиевой пудры и дальнейшей детонации» [Деменева, 2009]. Несмотря на то что «невзрывоопасная» взрывчатка не была признана прямой виновницей аварии, «комиссия по расследованию причин взрыва рекомендовала акционерному обществу «Апатит» все же отказаться от используемой взрывчатки АС-8 и перейти на более безопасную. А в ближайшие годы начать использовать и новую технологию зарядки взрывчатых веществ, которая позволит избежать самопроизвольной детонации» [Барсова, 2009а]. Вердикт правительственной комиссии вызвал новую волну обсуждения на городских сайтах. Дискутировались преимущественно технологические вопросы, участвовали те, кто хоть как-то разбирался в производстве, «химии и физике». Авторы комментариев нередко сопровождали тексты веселыми смайликами, употребляли не согласующуюся с ситуацией лексику, не считали нужным использовать формулы скорби и соболезнования. Все это отлича-

Рис. 3. Общий вид захоронения. Городское кладбище г. Кировска, Аллея славы. Фото О. Змеевой. 2012

Рис. 4. Фрагмент ограды. Городское кладбище г. Кировска, Аллея славы. Фото О. Змеевой. 2012

лось от первой реакции на событие, когда восприятие было более эмоциональным и формы выражения соответствовали поминальному периоду. Еще не все погибшие были похоронены, но переживание уже утрачивало остроту для всех, кроме близких. Коллективная смерть превращалась в событие локальной истории.

Общественный резонанс по поводу трагедии на Расвумчоррском руднике проявился в идее создания мемориала жертвам взрыва. Администрация Кировска поддержала и вскоре реализовала инициативу горожан. Выбор места захоронения был сделан не сразу. Предлагались варианты:

Рис. 5. Мемориальный комплекс памяти горняков, погибших на Расвумчоррском руднике. Городское кладбище г. Кировска, Аллея славы. Фото О. Змеевой. 2012

- индивидуальное захоронение по усмотрению родственников; при этом погибшие, среди которых были жители Кировска и Апатитов, оказываются похороненными на разных кладбищах, но рядом с близкими и по месту жительства семей;
- могила по типу братского захоронения, как при коллективной гибели военнослужащих или жертв массовых репрессий;
- персональные захоронения, но в одном, общем месте; при таком способе сочетаются принципы индивидуального и братского захоронений, сохраняется символический смысл посмертного единения погибших и одновременно обеспечивается возможность их индивидуального поминовения родственниками.

Члены семей приняли третий вариант, и все погибшие были погребены на «Аллее воинской славы» на городском кладбище г. Кировска. Формирование и полуофициальное название этой части кладбища связано с тем, что на нем находятся могилы жителей Кировска и Апатитов, служивших в Афганистане или погибших при исполнении служебного долга в «горячих точках». В этой части кладбища установлен памятный знак. Выбор места указывал на высокий посмертный статус умерших. «Аллея воинской славы» в прессе и в устной речи после этого стала называться

просто «Аллеей славы». Погибших в результате несчастного случая рабочих «приравняли» к воинам, с которыми связаны идеи национальной доблести и высшего гражданского долга, независимо от того, погибли они в боевых действиях или умерли в мирное время. Решение захоронить рядом с ними горняков вызвало неодобрительное отношение многих горожан. Между тем в нем есть известный смысл. Участие в локальной войне и гибель на ней по существу равнозначны работе и гибели на опасном производстве. В обоих случаях смерть «не своя», и отличающийся от обычного способ захоронения свидетельствует о признании обществом (или отдельными его субъектами) своей социальной вины.

Летом 2010 г. на месте погребения горняков был оформлен мемориальный комплекс, который состоит из двенадцати надгробий, выполненных в одном стиле (рис. 3). Ограда сделана таким образом, что одновременно разделяет индивидуальные захоронения и подчеркивает их целостность. Калитка каждой могилы «цепляется» за оградку следующей при помощи крючка (рис. 4). В мемориал входит общий памятник с надписью: «Вечная память горнякам, погибшим на Расвумчоррском руднике 11 декабря 2008 г.» (рис. 5). У памятника проводят коллективные поминовения, у могил – индивидуальные.

Через некоторое время на том же участке были похоронены представители администрации города Кировска. Это полностью деформировало идею «Аллеи славы» и стало поводом для недоумения, недовольства и разногласий – вопреки, казалось бы, признаваемому большинством утверждению, что в смерти все равны.

Источники и литература

Агамирзоева А., Разумова И. «Город мертвых» в городе воинской славы // Наука и бизнес на Мурмане. Научно-практический альманах. Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. Мурманское книжное изд-во, 2009. С. 37–41.

Александрова А. Наша служба и опасна, и трудна // Карьера. 2000, № 8. URL: <http://www.kariera.orc.ru/0708-00/Reitp040.html> (дата обращения: 20.12.2012).

Андреев С. Во взрыве в Кировске виноват самоубийца? // Комсомольская правда. 2009. 19 января. URL: <http://www.kp.ru/daily/24228.5/429787/> (дата обращения: 20.12.2012).

Андреев С. Как спаслись выжившие после трагедии в Мурманской области горняки // Комсомольская правда. 2008. 16 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/24214.5/417470/> (дата обращения: 16.12.2012).

Андреев С., Пермина Н. Горняки Кировска: «Мы поджигали взрывчатку, а она даже не горела» // Комсомольская правда. 2008. 13 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/24214/417182/> (дата обращения: 16.12.2012).

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. / Общ. ред. С. В. Оболенской. Предисл. А. Я. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.

Барсова Е. Во взрыве на руднике в Хибинах виновата искра // Комсомольская правда. 2009а. 4 февраля. URL: <http://www.kp.ru/online/news/196651/?geo=61> (дата обращения: 16.12.2012).

Барсова Е. В гибели 12 человек на Расвумчорре виновата лампа? // Комсомольская правда. 2009б. 22 октября. URL: <http://murmansk.kp.ru/daily/24382.4/562013/> (дата обращения: 21.12.2012).

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011.

Визбор Ю. На плато Расвумчорр // Песни. М., Советский композитор, 1989. С. 20–21.

Виноградова Л. Н. Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М.: Ин-т славяноведения РАН. 1998. С. 48–56.

Выживший при взрыве на руднике в Хибинах Андрей Ковалев: «Я к взрывчатке больше и близко не подойду» // Комсомольская правда. 2008. 14 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/24214/417172/> (дата обращения 16.12.2012).

Грушко О., Андреев С. Шахта в Кировске взорвалась «досрочно» // Комсомольская правда. 2008. 15 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/24214/417116/> (дата обращения: 16.12.2012).

Деменева С. В Кировске хоронили горняков, погибших в конце прошлого года при взрыве на Рас-

вумчоррском руднике // Хибин. com / Новости. 2009. 22 мая. URL: <http://www.hibiny.com/news/archive/13691> (дата обращения: 16.12.2012).

Жизнь как по нотам – на плато Расвумчорр не приходит весна. В память моего брата Черняева Дмитрия // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/club6204601> (дата обращения: 20.01.2010)

Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.

Игумен Митрофан (Баданин). Неугасимая лампада «Курска». К десятилетию событий 12 августа 2000 года. СПб.; Мурманск: Ладан, 2010.

Кабыш З. Трагедия на Расвумчоррском руднике // Мурманский вестник. 2008. 13 декабря. URL: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=200812132628> (дата обращения: 16.12.2012).

Малевич С. Рейтинг экстремальных профессий. URL: http://smoking-room.ru/data/pnp/extr_prov.html (дата обращения: 11.11.2012).

Мелетинский Е. М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГУ, 1998. С. 334–357.

Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИЭА РАН, 1993.

ОАО «Апатит». Официальный сайт. URL: <http://www.phosagro.ru/about/actives/production/apatit> (дата обращения: 16.12.2012).

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984.

Пенттикяйнен Ю. Смерть без статуса в народных представлениях финнов // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 154–158.

Постановление Главы администрации города Кировска от 12.12.2008 № 460. URL: <http://www.hibiny.com/news/archive/11757> (дата обращения: 03.09.2013).

Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. СПб.: Гамас, 2009.

Разумова И. А., Барабанова Л. А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 3. С. 42–60.

Расвумчорр // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/club6149089> (дата обращения: 15.01.2013).

Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Отдельный оттиск из XV вып. «Трудов Костромского научного о-ва по изучению местного края». Кострома: тип. «Сев. рабочий», 1920.

Соколова А. Д., Юдкина А. Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150–164.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity, London: Sage, 1992.

Walter T. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // The British Journal of Sociology. 2012. № 63. P. 123–145.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Змеева Ольга Васильевна

научный сотрудник, к. и. н.
Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН
Академгородок, 40а, г. Апатиты, Мурманская обл.,
Россия, 184209
эл. почта: zmeyeva@rambler.ru

Разумова Ирина Алексеевна

главный научный сотрудник, д. и. н.
Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН
Академгородок, 40а, г. Апатиты, Мурманская обл.,
Россия, 184209
эл. почта: irinarazumova@yandex.ru

Zmeyeva, Olga

Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences
40a Academgorodok, 184209 Apatity,
Murmansk Region, Russia
e-mail: zmeyeva@rambler.ru

Razumova, Irina

Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences
40a Academgorodok, 184209 Apatity,
Murmansk Region, Russia
e-mail: irinarazumova@yandex.ru